

2. Моисеев А. И. Богатство языка и культура речи / А. И. Моисеев. — Санкт-Петербург, 1995. — 245 с.
3. Русская грамматика : В 2 т. Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Наука, 1980. — 783 с.
4. Словарь русского языка: в 4-х тт. / под. ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. — 4 т.
5. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. — М. : Наука, 1996. — 214 с.

УДК 811.161.1

Ткачѐва Н.И.
(Харьков, Украина)

ОБРАЩЕНИЕ, ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ И РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ

Стаття присвячена розгляду особливостей комунікативного устрою художнього тексту, зокрема аналізу форм, які пов'язані з діалогічною організацією поетичної мови (звернення, наказовий спосіб і питання), та їх опису в лінгвопоетиці другої половини ХХ століття.

Ключові слова: *звернення, наказовий спосіб, риторичне питання, медитативне питання, поетична мова, ліричний текст.*

Статья посвящена рассмотрению особенностей коммуникативного устройства художественного текста, в частности, анализу форм, которые связаны с диалогическим устройством поэтической речи (обращение, повелительное наклонение и вопрос), и их описанию в лингвопоэтике второй половины ХХ века.

Ключевые слова: *обращение, повелительное наклонение, риторический вопрос, медитативный вопрос, поэтическая речь, лирический текст.*

The article is devoted to the analysis of the features of communicative text organization, in particular to the analysis of the forms that are associated with dialogic organization of poetic language (addressing, the imperative and the question), and their description in linguistics of the second half of the twentieth century.

Keywords: *addressing, imperative, rhetorical question, meditative question, poetic language, lyrical text.*

Изучение художественной речи предполагает анализ особенностей лирического произведения как целостного феномена [1]. При этом необходим общий взгляд на поэтическую речь и лирическое произведение под разными углами зрения. Один из подходов, который активно развивается как теорией художественной прозы, так и лингвопоэтикой, — это вопрос коммуникативного устройства художественного текста. Вопросы коммуникативного устройства поэтического текста разрабатывались многими исследователями

и, в первую очередь, И.И. Ковтуновой. Коммуникативное устройство лирического текста имеет ряд особенностей по сравнению с художественной прозой. Именно в поэзии (в особенности лирической), как отмечал М.М. Бахтин, «язык раскрывает все свои возможности, ибо требования здесь к нему максимальные; все стороны его напряжены до крайности, доходят до своих последних пределов; поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого» [2: 46]. При изучении лирического произведения исследователи обратили внимание на особенности, связанные с диалогическим устройством поэтической речи. Целью данной работы является описание того, как в лингвопоэтике второй половины XX века охарактеризованы единицы, которые связаны с диалогическим устройством поэтической речи.

В поэтической речи широко представлены речевые формы устного диалога, а именно: второе лицо, обращение, повелительное наклонение и вопрос. И.И. Ковтунова, исходя из особенностей устной коммуникации, условно выделяет «сильные» (предполагающие определенную реакцию собеседника) и «слабые» (не требующие реакции со стороны адресата) признаки диалога [3: 62]. К сильным признакам автор относит повелительное наклонение и вопрос, т.к. характер ожидаемой реакции со стороны адресата уже заключен в высказываниях, которые содержат повеление или вопрос. К слабым признакам диалога автором отнесены второе лицо и обращение, т.к. сообщение в них предполагает лишь понимание со стороны собеседника, но они не рассчитаны на ответные действия. Различия, которые лежат в основе разделения на сильные и слабые признаки диалога определяют роль данных категорий диалогической речи в поэзии [3: 62-63]. Под влиянием особых условий коммуникации в поэтической речи обращение, повелительное наклонение и вопрос усложняют и преобразовывают функции по сравнению с их первичными функциями в устной диалогической речи. Под особыми условиями коммуникации мы, вслед за И.И. Ковтуновой, понимаем «сложную структуру референции и поэтического сообщения, усложнение позиции речевого субъекта и адресата, особый характер языка (поэтический язык) и жанр письменной речи, в котором средства устной коммуникации приобретают иной функциональный статус» [3: 62]. Отметим, что особенности функционирования данных категорий диалогической речи в поэтическом тексте, в первую очередь, связаны с отсутствием собеседника в момент речи и, как следствие, с размыванием границ диалогичности.

Обращения в поэтической речи привлекали внимание таких исследователей как А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Л.Ю. Максимов, И.И. Ковтунова, Л.П. Черкасова и др. Однако и сегодня обращения в лирике представляют недостаточно изученную проблему. Л.Ю. Максимов описал стилистические различия употребления разных типов обращений в прозе в разные исторические периоды [4]. И.И. Ковтунова, дополнив наблюдения Л.Ю. Максимова, подробно описывает наиболее типичные, характеризуемые высокой воспроизводимостью в поэтической речи разряды обращений, отмечая их роль в индивидуальной поэтике. В лирике, как утверждает ученый, «возможны обращения к любым вещам, существующим в мире», но при этом необходимо различать предметные типы обращений в поэзии, т.к. они имеют «свои коммуникативные нюансы и свои семантические особенности в структуре поэтического текста» [3: 96]. Автор выделяет обращения к лицам и не к лицам. Среди обращений к лицам, кроме обращений к самому говорящему (автоадресация) различают: 1) «обращения к другу, возлюбленной и другим

близким к лирическому герою адресатам», которые создают иллюзию совпадения воображаемого диалога с моментом речи; 2) «обращение к лицам отдаленным в пространстве и во времени (обращения к героям, политическим деятелям, историческим лицам и т.д.)», в которых диалогическая ситуация далека от реально возможной; 3) «обращение к образам, созданным воображением и фантазией и не имеющим денотатов в реальном мире (образы богов, мифологические образы, герои литературных произведений)» [3: 96-97]. Среди обращений не к лицам распространены «обращения к земным странам и континентам, к городам и их атрибутам, к явлениям природы, стихиям, к явлениям космической жизни, к пространству и времени, к явлениям эмоционального и интеллектуального мира человека, к явлениям человеческой культуры», а также «обращения к родной стране» и «обращения к родному языку» [3: 97-98]. Все перечисленные группы обращений, как отмечает И.И. Ковтунова, отличаются не только «характером своей предметной отнесенности, но и разным отношением к ситуации естественного устного диалога, форма которого переносится в коммуникативную ситуацию общения поэта с миром» [3: 102]. При этом каждый предметный тип обращений имеет свой круг поэтического восприятия.

Исследователь утверждает, что «поэтические функции обращений, связанные с коммуникативным переносом, различны в различных контекстах, в которых поэт обращается к предмету речи и ведет повествование во втором лице» [3: 104]. Обращение в лирическом тексте, как считает И.И. Ковтунова, является «композиционной моделью», по которой может строиться речь [Там же]. Сама эта форма не влечет определенных смысловых эффектов, они возникают лишь «как результат особого мироощущения, широты и масштабности поэтического восприятия» [3: 104]. Позволим себе не согласиться с мнением автора, т.к., на наш взгляд, обращение сразу вводит в лирическое повествование адресата, потенциального собеседника. Смысловый эффект этой формы диалогической речи в лирическом тексте связан с функцией размышления или констатации.

И.И. Ковтунова отмечает ряд особенностей обращений, которые обусловлены структурой поэтического текста, а именно: «условность обращений в поэтическом тексте, ослабление или отсутствие в них собственно апеллятивной функции, статус композиционной формы, употребляемой по традиции» [3: 104]. Ослабление одних функций влечет за собой появление других. Согласно наблюдениям автора, «позиция обращения в поэтическом тексте оказывается открытой для выражений номинации и предикации», что в поэтической речи связано с ослаблением «противопоставленности синтаксических позиций по их семантическому наполнению и коммуникативным функциям» и приводит к нарастанию «асимметрии между синтаксической позицией и функцией» обращений [3: 104]. В обращениях не к лицам, как отмечает ученый, «часто оказывается ослабленной функция адресации, и позиция обращения открывается для выражения отношений номинации и предикации» [3: 142]. Появление же в позиции обращения фразовой номинации «может привести к снятию противопоставленности трех названных функций – адресации, номинации и предикации» [Там же]. Ослаблению противопоставленности функций адресата и предиката в поэтической речи способствует включение в синтаксическую позицию обращения признаков, которые характеризуют адресата. Окружающий обращение контекст, который содержит характеристику или повествование, способствует ослаблению противопоставленности функций адресата и предмета речи, актуализируя

в обращении значение наименования предмета речи. Контекст, который вводит позицию говорящего (речь от первого лица, повеление или вопрос, которые адресованы предмету), актуализирует значение адресации в обращении. Отметим, что все эти особенности обращений связаны с отсутствием в лирическом произведении реальной коммуникации, в первую очередь.

Разделяет эту точку зрения и Л.П. Черкасова, которая утверждает, что «в поэзии обращения совмещают значение, заданное узусом, и значение, порожденное поэтическим контекстом» [5: 127]. Описав группу предметных аппеллятивов в стихотворениях М. Цветаевой, ученый обнаруживает процесс символизации используемых поэтом слов, подчеркивая, что «синтаксическая позиция обращения в стихотворной речи – сильный экспрессивный показатель лиризма» [5: 127]. Действительно, обращение в поэтической речи как бы сближает поэта с адресатом обращения в пространстве и во времени, создавая иллюзию диалога.

Меняется в поэтической речи и значение форм повелительного наклонения. В.В. Виноградов утверждает, что повелительное наклонение «принадлежит к эмоционально-волевому языку и характеризуется особой интонацией. ...Вне этой интонации повелительного наклонения не существует» [6: 464]. Глагольные формы без императивной интонации, согласно теории В.В. Виноградова, являются лишь грамматическими «омонимами» повелительного наклонения. Анализируя семантику повелительного наклонения, ученый отмечает, что «в форме повелительного наклонения при употреблении ее не со значением 2-го лица преобладают модальные оттенки пожелания, заклинания, допущения, долженствования. Таким образом, здесь происходит как бы перенос формы повелительного наклонения в сферу значений наклонения желательного. С исторической точки зрения, может быть, было бы правильнее видеть в таком употреблении формы повелительного наклонения следы и пережитки его древних значений, связанные с происхождением ее из опатива (желательного наклонения)» [6: 466]. Исследователь связывает модальное значение желательности с употреблением формы повелительного наклонения не со значением второго лица. В разговорной речи появление модальных значений и ослабление побудительного значения связано с употреблением повелительного наклонения с первым, третьим и обобщенным лицом, что детально было описано лингвистами (В.В. Виноградов, А.В. Бондарко, Русская грамматика 1980 и др.). Иначе обстоит дело с поэтической речью. И.И. Ковтунова называет ряд факторов, от которых зависит значение форм повелительного наклонения в поэзии, а именно: «присутствие / отсутствие адресата; характер адресата; тип контекста» [3: 143]. Побудительное значение в повелительном наклонении сохраняется лишь тогда, когда побуждение направлено говорящим себе самому, т.к. в поэтической речи присутствующим адресатом является лишь сам говорящий. Остальные адресаты отсутствуют, т.е. отсутствует реальный диалог. Данный факт снимает в повелительном наклонении значение побуждения, привнося разнообразные модальные значения.

И.И. Ковтунова, вслед за В.В. Виноградовым, утверждает, что в поэтической речи в форме повелительного наклонения «постоянно возрождается значение опатива» [3: 143]. Данному факту в лирике способствуют ряд условий. Повелительное наклонение «употребляется во внутренней речи в отсутствие адресата, оно часто бывает направлено к адресату-не лицу и отражает, таким образом, не побуждение адресата к действию, но

эмоционально-волевые импульсы говорящего» [3: 143]. Такое тяготение к выражению значения опатива сильнее всего ощущается при употреблении форм повелительного наклонения в функции заклинаний. Частным случаем желательного значения повелительных форм И.И. Ковтунова считает «значение просьбы-молитвы» [3: 127]. Ученый пишет, что «в лирической поэзии особенности жанра молитвы включаются в более сложную коммуникативную структуру, и первичная функция повелительного наклонения – просьба, обращенная к высшей силе, – может приобретать условный характер, превращаясь в форму выражения воли, желания, эмоциональной оценки» [3: 127]. Автор отмечает, что со значением желания в повелительном наклонении тесно связана оценка. При этом желательное значение в поэтической речи не отграничено от существующего, что позволяет совмещать в повелительных формах сообщение о происходящих в момент речи событиях (или ранее происходивших) с их оценкой [3: 143]. Повелительное наклонение с отрицанием «может приобретать оттенок напрасности того, о чем сообщает высказывание с повелительными формами» [3: 122]. И.И. Ковтунова вводит понятие «повелительного изобразительного» или «повелительного событийного» для обозначения повелительного наклонения от глаголов несовершенного вида, а также глаголов совершенного вида с лексическим значением длительности, которое обозначает не ирреальное действие, относящееся к плану будущего, а «реальное действие, которое уже происходит в момент речи» [3: 120-121]. «Повелительное событийное» или «повелительное изобразительное» представляет собой «разновидность асимметрии между первичным значением формы и ее вторичным, переносным, осложненным значением, которое проявляется в определенном содержательном типе контекста» [3: 143].

Неопределенный и обобщенный адресат, по мнению ученого, «актуализируют в повелительном наклонении модальные значения должноствования, необходимости, целесообразности, неизбежности» [3: 143]. Неоднозначность адресата ведет к совмещению в повелительных формах двух или нескольких значений. И.И. Ковтунова утверждает, что «тип контекста – модальный / сообщающий, характеризующий – предопределяет в первом случае чисто модальное (желательное) значение, во втором случае – сочетание желания и сообщения (повелительное «событийное» или «изобразительное»)» [3: 144]. Автор подчеркивает, что все преобразования значения повелительного наклонения «связаны не с употреблением императивной формы с первым и третьим лицом, как в разговорной речи, но – со вторым лицом, которое, однако, не является присутствующим собеседником» [3: 144]. Этим отличаются переносные значения повелительной формы в поэтической речи от переносных значений в устной разговорной речи, как отмечает автор. С нашей точки зрения, в лирической поэзии повелительное наклонение становится слабым признаком диалога, т.к. не предполагает реакции собеседника и диалога, как такового. Функции повелительного наклонения и обращение в поэтическом тексте расширяются и изменяются, приобретая констатирующий или «медитативный» характер (термин Л.Ф. Тарасова).

Обратимся к наблюдениям Л.Ф. Тарасова относительно функционирования вопросов в лирических произведениях. Автор отмечает, что «в стихотворном синтаксисе свободнее, чем в прозаическом (особенно в авторском повествовании), используются вопросительные и восклицательные предложения для повышения напряженности и эмоционального напряжения интонации» [7: 14]. Такая концентрация вопросительных

предложений, в частности, является явлением «возможным лишь в лирическом, эмоционально сильно окрашенном повествовании» [7: 14]. При этом частотность употребления таких предложений колеблется у представителей разных литературных направлений. Особенностью поэтической речи считает Л.Ф. Тарасов преобладание особых поэтических вопросов, которые автор делит на «риторические» и «медитативные» [7: 14]. Нам представляется очень важным это разграничение. Автор отмечает, что «на риторический вопрос ответа не дается, но он в большинстве случаев очевиден, тогда как медитативный вопрос – это звено в лирическом размышлении – медитации, и ответ на него не только не дается, но часто даже и не подразумевается» [7: 15]. Как подчеркивает исследователь, у классиков среди вопросительных предложений преобладает риторический вопрос, а у романтиков эта разновидность вопросов употребляется лишь в гражданских и философских произведениях [7: 96]. Предложения с медитативным вопросом, «который выступает как специфическая форма лирического размышления», преобладают в произведениях романтиков [Там же]. Л.Ф. Тарасов выделяет две функции медитативно-вопросительных предложений в поэтической речи: «мыслеформирующую и интонационно-мелодическую» [7: 96]. Главной при этом автор считает мыслеформирующую функцию.

И.И. Ковтунова, не выделяя медитативных вопросов, отмечает что «в лирической поэзии существуют все разновидности вопросительных высказываний с невопросительным значением, употребляемые и в других типах речи, например, риторический вопрос (квази-вопрос) как экспрессивная форма утверждения» [3: 128]. Специфичными для лирики считает автор вопросительные высказывания с собственно вопросительным значением, которые существенно отличаются от вопросов в устном разговорном диалоге. Семантику вопросов в лирике определяют два фактора – «адресат и смысловой контекст» [3: 128]. Лирические вопросы могут быть обращены к любому из «внутренних» адресатов (сам говорящий, другое лицо, мир); к любому из «внешних» адресатов (адресат-читатель, адресат-человечество, нададресат), а также возможна «неоднозначность адресата» [3: 128]. Говорящий – единственный реальный адресат, который способен на ответную реакцию. Остальные же адресаты «отсутствуют в момент речи, поэтому обращенные к ним вопросы остаются безответными» [3: 144]. Присутствие адресата, по мнению И.И. Ковтуновой, это «условие обязательное, но недостаточное для получения ответа» [3: 144]. Решающим автор считает смысл вопроса. Зачастую «лирические поэты задают вопросы, на которые не существует ответа, в том числе и вопросы, адресованные автором себе самому» [3: 144]. И.И. Ковтунова отмечает, что безответные вопросы «имеют определенное коммуникативное намерение, сущность которого можно обозначить... научным понятием «постановка вопроса»» [3: 134]. Автор называет характерной особенностью вопросительных высказываний в лирике «сочетание вопросительного значения со значением сообщения» [3: 144]. Такой вопрос-сообщение не направлен на получение информации, т.к. заключает в себе разнообразную информацию, сообщая о событиях, давая описание и характеристики. Совмещение в одном высказывании сообщения и вопроса И.И. Ковтунова считает «одним из способов семантической конденсации, ведущей к информативной насыщенности поэтического текста» [3: 144]. Автор подчеркивает, что «в таких вопросительных высказываниях проявляется общая тенденция поэтической речи к проник-

новению предикации в структуры, предназначенные для других коммуникативных целей» [3: 145].

Исследователи отмечают существование в лирических текстах альтернативных рядов вопросов, которые состоят из безответных *ли-*, *или-*вопросов [3: 146]. И.И. Ковтунова пишет, что такие ряды «имеют сложные поэтические функции: они воспроизводят деятельность воображения и фантазии, рисуют картины, с разных сторон освещающие предмет речи, намечают переходные грани между внешним и внутренним миром, выражают неуловимые переходы между явлениями, совмещение в явлениях противоположных сущностей» [3: 146]. И.И. Ковтунова предлагает «безответные лирические вопросы...рассматривать как другой тип речевых актов по сравнению с вопросами в устной коммуникации» [3: 130]. Отметим, что, по сути, лирическое обращение и повелительное наклонения также безответны, т.к. не предполагают реакции собеседника в условиях отсутствия реального диалога. Эти формы диалогической речи, равно как и вопросы, выполняют функцию медитативности (размышления) в поэтической речи.

Вопросно-ответная структура в лирическом тексте, как утверждает И.И. Ковтунова, возникает лишь тогда, когда говорящий знает ответ и отвечает на поставленный вопрос. Автор выделяет две разновидности вопросно-ответной структуры. В первой структуре автор, заранее зная ответ, вступает с адресатами речи в вопросно-ответную игру. При этом в число адресатов, кроме говорящего, может входить неопределенный адресат, адресат-читатель. Второй тип вопросно-ответной структуры представляет собой «модель внутренней речи, содержащей поиски ответа» [3: 144]. Поэт задает вопрос себе и в процессе размышления ищет на него ответ. Данная модель вопросно-ответной структуры похожа на выделенный Л.Ф. Тарасовым тип медитативных вопросов. Отметим, что ответ на медитативный вопрос поэт находит не всегда, а порой, ответом может служить весь лирический текст.

Обращение к проблемам, связанным с коммуникативным устройством поэтического текста, показывает, что в лингвопоэтике до сих пор существует ряд спорных проблем, которые не нашли однозначного решения (разграничение сильных и слабых признаков диалога в поэтическом тексте, выделение безответных, медитативных и риторических лирических вопросов и т.д.) Их изучение является перспективой исследования, равно как и изучение форм диалогической речи в авангардной поэзии, в которой преобладают тексты, не имеющие пунктуационных знаков, и, следовательно, именно грамматическая форма в них выступает показателем диалогического устройства текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Липгарт А.А. Основы лингвопоэтики: Учебное пособие / Андрей Александрович Липгарт. – Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 168 с.
2. Бахтин М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. – С. 6-71.
3. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис / Отв. ред. Н.Ю. Шведова / Ирина Ильинична Ковтунова.– М.: «Наука», 1986. – 206 с.
4. Максимов Л.Ю. Обращение в стихотворной речи / Л.Ю. Максимов // Современный русский язык. Уч.зап. МГПИ им. В.И. Ленина, вып.12. – М., 1965. – С. 66-88.

5. Черкасова Л.П. Обращение в структуре поэтического текста / Л.П. Черкасова // Язык русской поэзии XX века (сборник научных трудов) / Отв. Ред. В.П. Григорьев. – М., 1988. – С. 119-127.

6. Виноградов В.В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) // В.В. Виноградов. Избранные труды. Поэтика русской литературы. – М.: «Наука», 1976. – С. 369-451.

7. Тарасов Л.Ф. Поэтическая речь. (Типологический аспект) / Леонид Феоктистович Тарасов. – Харьков: Вища школа, Изд-во при Харьк. ун-те, 1976. – 140 с.

УДК 811.161.2

Дубенко О.Ю.
(Україна, Київ)

КОНЦЕПТИ «МАСКУЛІННІСТЬ» І «ФЕМІНІННІСТЬ» У ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ КАРТИНАХ СВІТУ АНГЛІЙСЬКОЇ ТА УКРАЇН- СЬКОЇ МОВ

У статті розглянуто концепти «МАСКУЛІННІСТЬ» і «ФЕМІНІННІСТЬ» як мовну об'єктивізацію санкціонованих суспільством гендерних стереотипів. Виділено ідіоетнічні особливості уявлень про представників чоловічої і жіночої статі в англійській та українській лінгвокультурах за характеристиками домінування, активності, рішучості та самодостатності.

Ключові слова: *концепт, гендерний стереотип, маскулінність, фемінінність.*

В статье рассмотрены концепты «МАСКУЛИННОСТЬ» и «ФЕМИНИННОСТЬ» как языковая объективация санкционированных обществом гендерных стереотипов. Выделены идиоэтнические особенности представлений о представителях мужского и женского пола в английской и украинской лингвокультурах по критериям доминирования, активности, решительности и самодостаточности.

Ключевые слова: *концепт, гендерный стереотип, маскулинность, фемининность.*

The article deals with the concepts “MASCULINITY” and “FEMININITY” as a language objectivization of certain society-sanctioned gender stereotypes. It singles out idioethnic peculiarities of conceptions about the representatives of masculine and feminine gender in English and Ukrainian linguocultures according to the characteristics of dominance, activity, decisiveness and self-sufficiency.

Key words: *concept, gender stereotype, masculinity, femininity.*

Порушена у статті проблема видається актуальною для когнітивної та гендерної лінгвістики з огляду на досить активну зацікавленість, яку виявляють сучасні дослідники як до специфіки «наповнення» концептів «МАСКУЛІННІСТЬ» і «ФЕМІНІННІСТЬ» в різних лінгвокультурах (див. дисертації О.С. Бондаренко (2005), А.Л. Кисельової (2007),

© Дубенко О.Ю., 2012